

УДК 316.4.057

ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛЬНОГО ВКЛЮЧЕНИЯ ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА: УКРАИНА В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Гришина Татьяна Владимировна, аспирант факультета социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

В статье представлены результаты изучения процессов социального включения возрастных групп в Украине в сравнительной Европейской перспективе. Под социальным включением подразумевается многомерный процесс участия индивида или социальной группы в жизни общества, а также наличие доступа к основным структурным ресурсам. Представлен количественный анализ эмпирических данных пятой волны Европейского социального исследования (ESS, 2010-2011 гг.). Результаты исследования демонстрируют, что в целом состояние социального включения старшей возрастной группы в Украине является низким. В контексте анализа множественных проявлений социального включения, наибольший дефицит наблюдается в экономических аспектах (уровень обладания экономическими ресурсами). Наиболее благоприятными являются социально-культурные и политические проявления социального включения (а именно электоральная активность).

Ключевые слова: социальное включение, старшая возрастная группа, множественное социальное включение, сравнительный анализ данных.

У статті представлено результати вивчення процесів соціального залучення вікових груп в Україні в порівняльній перспективі. Під соціальним залученням мається на увазі багатовимірний процес участі індивіда або соціальної групи в житті суспільства, а також наявність доступу до основних структурних ресурсів. Представлено кількісний аналіз емпіричних даних п'ятої хвилі Європейського соціального дослідження (ESS, 2010-2011 рр.). Результати дослідження демонструють, що загалом стан множинного соціального залучення старшої вікової групи в Україні є низьким. В контексті аналізу множинних проявів соціального залучення, найбільшим дефіцитом характеризується економічна сфера соціального залучення (рівень володіння матеріальними ресурсами). Найбільш сприятливими є соціально-культурні та громадсько-політичні прояви соціального залучення (а саме електоральна активність).

Ключові слова: соціальне включення, старша вікова група, множинне соціальне включення, порівняльний аналіз даних.

Key purpose of the article is investigation of social inclusion of age groups in Ukraine in comparative perspective. Social inclusion is interpreted as multidimensional process of individual / group social participation in society's mainstream, and also as the presence of the success to the main structural resources. Empirical analyze is based on the quantitative analyze of data gained during the European Social Survey (ESS, 2010/11, 5th Wave). Research results demonstrate overall low level of multidimensional social inclusion of senior citizens in Ukraine was eliminated. In terms of multidimensional social inclusion the deficiency of economic dimensions (level of material resources) are investigated. Socio-cultural dimensions and political ones (due to electoral activity) are advantageous.

Keywords: social inclusion, senior age group, multidimensional social inclusion, comparative analysis.

На протяжении последних десятилетий в европейских обществах наблюдается долговременная тенденция старения населения, что охватило как развитые, так и развивающиеся страны [13]. Подобное демографическое явление вызывает потребность в адаптации общества и его отдельных возрастных групп, приводя к изменениям в структурах неравенств и в общественном сознании. Соответственно, в современных социальных науках и в политике большое внимание уделяется проблематике социального неравенства в целом, и неравенства возрастных групп – в частности. Несмотря на пристальный интерес европейской научной общественности на протяжении последних десятилетий, данная тема не теряет своей актуальности для современных европейских обществ. Результаты Евробарометра (международный проект регулярных социологических опросов в рамках ЕС) демонстрируют, что, невзирая на все усилия ученых с 2009 по 2012 год, негативный опыт дискриминации различных социальных групп не становится менее выраженным. При

этом возрастная дискриминация в большей степени касается представителей старшей возрастной когорты и является более критичной по сравнению с молодежью (до 30 лет) [8]. Находясь постоянно в центре изучения европейской научной общественности, в Украине данная проблематика по-прежнему остается недостаточно исследованной. Между тем, мы имеем дело с постоянно увеличивающимся количеством людей старшего возраста, что ставит общество перед рядом проблем экономического (увеличение экономической нагрузки на трудоспособное население) и социально-психологического характера (наличие специфических социорольевых ожиданий и негативных возрастных стереотипов). Все это заостряет наше внимание на изучении социального включения старшей возрастной группы как результата нивелирования негативных эффектов возрастных неравенств, различий и дискриминации.

Таким образом, *цель данной работы* – изучить состояние социального включения возрастных групп в Украине в сравнительной европейской перспективе.

Концепция социального включения развивалась в последние десятилетия довольно продуктивно, преимущественно в рамках европейского научного дискурса и в основном в контексте противоположного процесса социального исключения группы. Современные исследования исходят из положения о сложности, комплексности и многомерности социального включения и исключения. Так, ряд ученых – А. Аткинсон, Л. Ричардсон, Д. Ле Гранд, Дж. Джоель-Гисберг, К. Вруман, С. Оксамитная, В. Хмелько, И. Григорьева, С. Чернышова, О. Ревнивцева и др. – апеллируют к необходимости учитывать несколько измерений процесса при эмпирическом изучении и анализе социального включения [2, 5, 6, 7, 12].

Концептуальный переход к рассмотрению многомерности проявлений социального включения был связан с невозможностью пояснить социальное исключение некоторых групп только лишь недостаточными материальными ресурсами, а также с осознанием необходимости учитывать другие причины данного процесса – социальные связи, нормы, ценности конкретного общества, в которое включается группа. Г. Рум при изучении социального исключения принимает во внимание не только уровень материального благосостояния, но также ресурсы, которыми владеет местная община (особенности инфраструктуры), и социальное участие, которое рассматривает как движущую силу социального включения [12, с. 168-171]. Многомерность социального включения предполагает изучение как материального благосостояния и уровня обладания структурными ресурсами, так и социального участия в общественной жизни, а также поддержание социальных контактов, вследствие чего, – отсутствие субъективных ощущений одиночества и изоляции. Так, Л. Ричардсон и Д. Ле Гранд дополнили свое исследование изучением субъективного социального исключения как чувства обособленности от основного потока общественной жизни [11].

Основываясь на наработках перечисленных выше авторов, под социальным включением в данной статье будет подразумеваться многомерный процесс участия индивида или социальной группы в жизни общества, а также наличие (возможность) доступа к основным ресурсам общественной системы. Отталкиваясь от данной теоретической интерпретации понятия, за основу эмпирического изучения социального включения возрастной когорты мы предлагаем взять два параметра – социальное участие и меру обладания структурными ресурсами. При этом мы принимаем во внимание, что процесс социального включения следует анализировать в разрезе трех основных сфер общественной жизни:

- экономической – экономическое участие (занятость, потребление и т.д.) и доступ к материальным ресурсам;

- политической – гражданско-политическое участие и наличие политических прав;

- социально-культурной – участие в культурно-досуговой сфере, а также развитость социальных контактов (источники общения и неформальной помощи).

Для определения старшей возрастной группы мы используем хронологический подход, а именно выделение возрастных групп как результата социальной дифференциации на основе количества прожитых лет и фаз жизненного пути. Подобное определение дает возможность использовать эмпирические типологии, которые различают успешные и неуспешные, активные и пассивные стратегии старения [1, с. 16-20]. Особенностью возрастной когорты также является то, что она является гетерогенной по уровню социальной активности, обладанию структурными и культурными ресурсами; при этом возрастная группа воспринимается окружающими как однородная в силу базового признака данной группы.

Возрастные границы когорты людей старшего возраста в целях эмпирического изучения нами были определены как 60 лет и старше. Последнее объясняется тем, что хронологический возраст связан со специфическими фазами жизненного пути индивида и социорольевыми ожиданиями. Для старшей возрастной группы возрастным маркером служит наступление пенсионного возраста (60 лет для Украины, а также некоторых сравниваемых стран – Франции, Великобритании (для женщин), Польши (для женщин)), который влечет за собой изменение социального статуса, уровня дохода и сокращение социальных контактов (часто как результат прекращения трудовой активности).

В качестве эмпирической базы исследования использованы данные пятой волны Европейского социального исследования (ESS, массив данных 2010/11 гг.). Общий объем выборки для всех стран составил 50 781 респондент, среди которых 15 857 – респонденты старшего возраста. Объем выборки для Украины – 1931 респондент (и 703 соответственно) [16].

Для сравнения с Украиной взяты 8 стран, которые репрезентируют различные типы социальной политики – комплекса средств обеспечения потребностей различных социальных групп силами государства. Мы предполагали, что социальная политика создает определенный институциональный контекст социального включения групп и, соответственно, влияет на состояние исследуемого процесса. В основу отбора положена типология стран (схожесть и различие основных типов социальной политики и пенсионной системы) по А. Соде и К. Вруману [15]. Ученые осуществили эмпирическую верификацию теоретической модели Г. Эспин-Андерсона методом кластерного анализа. Основными характеристиками выделения «пенсионных режимов» послужили: объем трат на денежную социальную помощь людям старшего возраста, официальный пенсионный возраст, наличие пенсионного обеспечения для лиц без официального трудового стажа, минимальный и максимальный размеры пенсии, условия для получения пенсии в полном объеме, минимальный трудовой стаж для получения пенсии и многое другое. В результате были выделены следующие типы «режимов»: скандинавский тип (для эмпирического исследования нами взята как представительница данного типа Дания), англосаксонский (в нашу выборку включена Великобритания), континентальный (Германия и Франция), средиземноморский (Португалия), восточно-европейский (Польша) и «гибридный» тип – Нидерланды (объединяет черты скандинавского и континентального типов) [15, с. 29, 135-139]. Данные страны эмпирически сравниваются с Украиной как представительницей «постсоветского» типа социальной политики.

Далее для анализа множественного социального включения мы выбрали более статистически наполненные и скоррелированные показатели ($R=0,2$; $p \leq 0,01$) отдельных проявлений социального включения группы. В результате были выбраны следующие показатели:

- *гражданско-политическое включение* – политическое (аддитивный индекс, который фиксирует участие в последних выборах, а также ощущение близости с одной из политических партий в стране) и гражданское участие (участие в работе общественных организаций, в подписании петиций, обращений и прочих формах протестной активности);

- *экономическое включение* – отсутствие серьезных материальных проблем (субъективный показатель) и уровень семейного дохода (детальнее см: [3, с. 90-91]);

- *социально-культурное включение* – частота социальных контактов (не менее нескольких раз в месяц) и субъективная оценка частоты социально-досугового участия (встречи с другими людьми с целью проведения досуга, общения, культурного обогащения), значения последнего показателя сравнивались со значениями в подгруппе одногодок.

Таким образом, эмпирически социальное включение нами измерялось по шести выделенным выше параметрам. Полученные результаты аналитически дифференцировались и интерпретировались следующим образом: «низкий уровень социального включения» характерен для людей старшего возраста, для которых выявляются значимыми два и менее параметра включения; «промежуточный уровень» – значимыми являются 3 или 4 параметра включения; «высокий уровень социального включения» – значимы 5 или 6 параметров. Все построенные аддитивные индексы, использованные при анализе множественного социального включения, были проверены на согласованность пунктов шкалы (с помощью теста Альфа Кронбаха). Поскольку коэффициент Альфа Кронбаха выявился значимым, а факторный анализ дает надежное однофакторное решение, то мы делаем вывод о том, что все представленные ниже в анализе индексы являются надежными.

Для наглядности сравнения была взята контрольная группа молодежи (18-35 лет), что позволило выделить возрастные особенности социального включения и условно отделить их от особенностей конкретного общества.

Анализ множественных проявлений социального включения в сравнительной перспективе продемонстрировал следующую дифференциацию стран в отношении исследованной проблемы. «Странами-лидерами» социального включения людей старшего возраста в разнообразные возможности общественной жизни являются страны, чья социальная политика и, соответственно, пенсионная система обладает чертами «скандинавского» пенсионного режима – Дания и Нидерланды (сочетает черты скандинавского и континентального типа). В данных странах свыше 95% респондентов старшего возраста являются социально включенными, по крайней мере, по двум параметрам – экономическим и общественно-политическим либо социально-культурным. Успех стран со «скандинавским» типом социальной политики может быть объяснен следующими факторами: одни из самых высоких отчислений ВВП на социальные нужды; пенсии являются универсальными и практически не зависят от

принадлежности к определенным профессиональным группам, также отсутствуют ограничения максимального объема пенсии. Скандинавские страны характеризуются развитой системой государственных и гражданских организаций, сосредоточенных на проблемах старшей возрастной группы [10, с. 77; 13; 14, с. 32-33].

К странам, в которых состояние социального включения группы людей старшего возраста в разнообразные возможности общественной жизни можно определить как среднее, относятся континентальные Франция (93,3% включены хотя бы в 2 сферы общественной жизни) и Германия (92,2%), англосаксонская Великобритания (89,2%), средиземноморская Португалия (86,4%). Португалия демонстрирует наиболее низкий уровень множественного социального включения среди представленных выше стран и в большей степени схожа с Польшей, хотя и опережает ее практически по всем остальным проявлениям социального включения. Слабым показателем социального включения в Португалии является уровень гражданского участия, который является относительно более низким, по сравнению с иными проанализированными странами.

Наиболее низкими показателями (в европейском контексте) социального включения группы людей старшего возраста характеризуются Польша (83,7% являются включенными по двум проявлениям) и Украина (75,2% соответственно). Наиболее критичным для Украины является включения в экономическую сферу общественной жизни – старшая возрастная группа характеризуется наиболее низким уровнем материального дохода в сравнении с другими странами и представителями младшей когорты в рамках Украины. Подобная ситуация может быть объяснена низким уровнем пенсионного обеспечения, неэффективностью государственной политики, а также непопулярностью частных пенсионных накоплений (в отличие, например, от скандинавских стран). Гражданско-политическое включение старшей возрастной группы в Украине является более благоприятным только за счет высокой электоральной активности. Тогда как уровень участия в гражданских организациях крайне низок. Наиболее успешным является включение старшей возрастной группы на основе социально-культурных проявлений – Украина, как и все анализируемые страны, демонстрирует высокие значения частоты поддерживаемых социальных контактов.

В сравнительной европейской перспективе, ситуация социального включения старшей возрастной группы наиболее схожа с Польшей. Как можно заметить, Польша тяготеет к странам со средним уровнем социального включения, выгодно отличаясь от Украины масштабами социального включения представителей старшего возраста. Однако есть ряд характеристик, специфичных для Польши и Украины по сравнению с остальными рассматриваемыми странами. Так, данным странам свойственно преобладание низких показателей уровня семейного дохода, а также существенно более низкой является частота социальных контактов людей старшего возраста. Кроме того, Польша и Украина, в отличие от других сравниваемых стран, демонстрируют отличие по масштабам социального включения между полярными возрастными группами: для старшей возрастной группы, характерны существенно более низкие показатели. Такой разрыв социальных возможностей не свойственен иным европейским странам, по которым проводится сравнение.

Сравнительный анализ уровня социального включения старшей возрастной группы с контрольной группой молодежи не обнаружил существенных отличий в показателях в странах с высоким и средним уровнем социального включения: полярные возрастные группы характеризуются высоким уровнем социального включения по всем измеряемым параметрам. Люди старшего возраста во всех сравниваемых странах демонстрируют высокий уровень гражданско-политического участия. Среди европейских стран особенно выделяется Дания, где старшая возрастная группа отличается от молодежной группы не только высоким уровнем политического, но и экономического включения. Подобные результаты подтверждают, что старшая возрастная группа может принимать активное участие в жизни общества наравне с молодежью. Наоборот, Украина и Польша демонстрируют заметное отставание по уровню социального включения (особенно в экономических и социально-культурных параметрах) от молодежной группы. Так, старшая возрастная группа характеризуется более низким уровнем дохода и в большей степени испытывает материальные трудности. Также представителей исследуемой группы отличает меньший объем социальных контактов и участия в культурно-досуговых практиках.

Таким образом, можно сделать вывод, что состояние социального включения старшей возрастной группы в Украине в сравнительной европейской перспективе характеризуется, во-первых низким уровнем включения, во-вторых неравномерностью проявлений. Наиболее распространенным является включение в социально-культурную и политическую сферу (только за счет высокой электоральной активности) общественной жизни, тогда как уровень включения в экономическую сферу (через низкий уровень материальных ресурсов) крайне невысок. Ограниченность материальных ресурсов, вероятно, ограничивает и потребление группы, а также ее социально-культурное участие.

Данное исследование не претендует на всеохватность и имеет ряд ограничений. Так, в использованной базе эмпирических данных отсутствуют индикаторы объема владения социальными правами; неоплачиваемой занятости, которая – особенно в случае старшей возрастной группы – может выступать механизмом привлечения к активной трудовой жизни; недостаточными оказались индикаторы социально-культурного участия представителей группы, что и является дальнейшей перспективой нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Бочаров В. В. Антропология возраста / Бочаров Виктор Владимирович. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001. – 196 с. 2. Григорьева И. А. Новые подходы к профилактике социального исключения пожилых / И. А. Григорьева, С. П. Чернишова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2009. – Т. 12. – № 2. – С. 186-196. 3. Гришина Т. В. Материальное обеспечение процесса социального включения людей старшего возраста в Украине / Гришина Татьяна Владимировна. // Соціологічні студії: науково-практичний журнал. – 2013. – № 2 (3). – С. 89-93. 4. Гришина Т. В. Познавательный потенциал стратегий исследования социального включения (на примере старшей возрастной группы) / Гришина Татьяна Владимировна // Научный потенциал. – 2013. – №3 (12). – С. 84-89. 5. Оксамитная С. Н. Социальная эксклюзия в Украине на начальной стадии реставрации капитализма / С. Н. Оксамитная, В. Є. Хмелько // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – №3. – С. 66-77. 6. Ревнівцева О. В. Соціальне виключення: проблеми визначення та дослідження / О. В. Ревнівцева // Демографія та соціальна економіка. – 2008. – №1. – С. 98-106. 7. Atkinson A. Indicators and Targets for Social Inclusion in the European Union / Atkinson A., Marlier E., Nolan B. – Wiley Blackwell. –Vol. 42 / 1 – 2002. – pp. 47-75. 8. Discrimination in the EU in 2012 (Report). Special Eurobarometer 393. available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_393_en.pdf (Accessed: May, 10, 2014). 9. Jehoel-Gijsbers G. Social exclusion of the elderly. A comparative study of EU member states. / Jehoel-Gijsbers G., Vrooman C. // Enepri research report. № 57 (2008). available at: www.ceps.eu/ceps/download/1527 (Accessed: May, 10, 2014). 10. Kinsella K. An Aging World: 2008. / Kinsella K., He W. // International Population Reports Issued June 2009. available at: <http://www.census.gov> (Accessed: May, 10, 2014). 11. Richardson L. Outsider and Insider Expertise: The Response of Residents of Deprived Neighbourhoods to an Academic Definition of Social Exclusion. / Richardson L., Le Grand J. // CASEpaper 57 (2002). available at: http://eprints.lse.ac.uk/4647/1/Outsider_and_Insider_Expertise_The_response_of_residents_of_deprived_neighbourhoods_to_an_academic_definition_of_social_exclusion.pdf (Accessed: May, 10, 2014). 12. Room G.J. Social exclusion, solidarity and the challenge of globalization. / Room G.J. // International Journey of Social Welfare. Vol. 8 (1999): pp. 166-174. 13. Social security programs throughout the world: Europe. 2014. available at: <http://www.ssa.gov/policy/docs/progdsc/ssptw/2014-2015/europe/> (Accessed: October, 10, 2014). 14. Soede A., Vrooman C. A comparative typology of pension regimes. ENEPRI research report. # 54 (2008). available at: http://www.monitoringris.org/new/admin/documents/tools_reg/soc_exclusion_elderly.pdf (Accessed: May, 10, 2014). 15. Soede A.J., Vrooman J.C., Ferraresi P.M., Segre G. Unequal Welfare States. Distributive consequences of population ageing in six European countries 2004. available at: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/> (Accessed: May, 10, 2014). 16. The European Social Survey. available at: <http://www.europeansocialsurvey.org>. (Accessed: May, 10, 2014).